

Кто продолжит дело Третьякова?

Традиции и будущее российского меценатства

Эта беседа о традициях меценатства в России,
о роли коллекционеров в создании музеев.
Ведет беседу главный редактор альманаха «Памятники Отечества»
Сергей Николаевич Разгонов.

Его собеседники — академик Борис Викторович Раушенбах
и председатель клуба коллекционеров Савелий Васильевич Ямщиков.

С. Разгонов: Позвольте сначала обратиться к вам, Савелий Васильевич, так как у вас имя меценатское и купеческое — Савва: Савва Мамонтов, Савва Морозов... Я вас тридцать лет знаю под именем Саввы, и все друзья вас так зовут... Хотелось бы знать ваше мнение о природе меценатства в России: «Всякий ли миллионер может быть покровителем искусств?» Сегодня этот вопрос снова стал актуальным, поскольку в России вновь появились «миллиончики», как говорили в былые времена.

С. Ямщиков: Хочу напомнить, что почти все меценаты и собиратели конца прошлого — начала нынешнего века были купцами-старообрядцами. И Щукин, и Морозов, и Рябушинский, и Третьяков. Вспоминаю об этом не потому, что я тоже старообрядец. А вот в чем дело. Ведь старообрядческий мир традиционен, глубоко связан с истинной культурой — они от века научились спасать и сохранять свое духовное наследие, это было заложено в семейных генах.

Купцы-мещане всё привыкли делать своими руками, знали цену вещам, умели считать. Вот Третьяков, например, который для своего сословия послужил примером меценатского дела, у него не было задора закупить, удивить, он всегда торговался с художником о цене картины. Нестеров в своих мемуарах вспоминает, как Третьяков, придя к нему за первой картиной, сказал: «Пятьсот, больше не дам».

Нестеров понимал, что он не на себя экономит эти деньги, а ему завтра идти к Репину, послезавтра к Сурикову. Всем заплать, так ведь никаких миллионов не хватит. Потом, надо продолжать производство, содержать дом, семью...

С. Разгонов: Но ведь шел Павел Михайлович к Репину и Сурикову, когда их еще

никто не знал. Он мог легко ошибиться — собрать вещи, которые бы не выдержали испытание временем. У него была, конечно, потрясающая чуткость к новому...

С. Ямщиков: Безошибочность взгляда. У этих людей был наметанный глаз в деле и такой же — в собирательстве. Это разделить нельзя, это — свойство личности. Смотрите, Третьяков собрал лучшее из современного ему русского искусства. Иван Абрамович и Михаил Абрамович Морозовы тоже свою линию вели безошибочно: собрали сливки нового французского искусства. А Щукин? Потрясающая цельность в собрании Матисса! Для них это было не развлечением, а делом жизни, судьбой.

Б. Раушенбах: У старых меценатов, вы правы, был глаз, и это, наверное, самое главное — эти люди имели собственное мнение и смелость отстаивать его. Вот вы вспоминали, как Третьяков покупал Нестерова, а ведь сделал он это, несмотря на протесты передвижников, — они говорили, что это нельзя покупать, что это не искусство. Однако решился на скандал, пошел наперекор авторитетам, специалистам, доверился своему чутью и, как выяснилось, был прав.

Только человек, который имеет собственное мнение, достоин называться меценатом, иначе это спонсор, который дает деньги и верит, что другие их правильно используют. Так что право быть меценатом надо заслужить, деньгами его не купишь.

С. Ямщиков: Это касается и меценатов от государства, от казны, так сказать. Я имею в виду директоров художественных музеев, которые, имея немалые средства, могли бы серьезно влиять на состав музейных коллекций, на современную художественную жизнь вообще. Но не всем эта ноша была по плечу. А вот бывшего директора

Русского музея Василия Алексеевича Пушкирева, хотя у него деньги были государственные, я все-таки смело назову меценатом самой чистой пробы, потому что он единственный музейщик, который пошел против советской системы, он собирал то, что собирать запрещали. В конце концов Романов выгнал его из Ленинграда — за то, что он не покупал одних певцов соцреализма.

Как у настоящего мецената, вкус у Пушкирева был безупречный. Про него мне многие художники рассказывали, как он отбирал вещи — обязательно отыщет в мастерской лучшие. Николай Кормашов от него даже прятал свои картины, а Василий Алексеевич говорит: «Ну-ка, поверни тот холст», — и покупает именно его... Точно так же Матисс прятал свои вещи от Шукина.

С. Разгонов: Но все-таки меценатом в прямом значении слова можно, наверное, считать только того, кто отдает свои личные средства на поддержку людей искусства.

С. Ямщиков: Я считаю Пушкирева меценатом без всяких оговорок, потому что при нем музей пополнился на полмиллиона единиц хранения, как говорят музейщики. Это — форма меценатства, единственно возможная в советские годы...

А Георгий Костаки? У него была достаточно скромная зарплата рядового сотрудника канадского посольства, на которую он содержал большую семью. Но он находил средства, чтобы накормить Анатолия Зверева, Дмитрия Краснопевцева и многих других, он покупал их картины. Он по-настоящему поддерживал художников, официально непризнанных, но талантливых, ярких. А ведь он не был, как Пушкирев, искусствоведам, он служил в посольстве сначала шофером, потом управляющим. По его судьбе видно, как нераздельно соединяется страсть коллекционера с призванием мецената, одно от другого просто трудно отделить: ведь все известные русские меценаты были, как правило, и крупными собирателями.

С. Разгонов: Сегодня в России вновь появились богатые люди. Настолько ли богатые, чтобы создавать картинные галереи, — не знаю, но все же материальная основа для возрождения широкой благотворительности, кажется, есть. Как же современному богачу стать меценатом?

С. Ямщиков: Не знаю. Думаю, миллионером стать легче, чем меценатом. Сейчас у нас есть люди с такими деньгами, которые ни Третьякову, ни Шукину и не снились. Очередь в Москве на «мерседесы» последней марки — ценой 100 тысяч долларов — на год.

С. Разгонов: Но тем не менее современного Сезанна или Матисса в Париже никто почему-то покупать не спешит... Они еще не понимают, что на «мерседесе» ни в рай, ни в историю не въедешь, нужно после себя что-то оставить людям.

С. Ямщиков: Справедливости ради надо сказать, что они уже начали покупать произведения искусства, но пока это, мягко говоря, неубедительно. Пока у современных миллионеров не родилось ни одной сколько-нибудь интересной коллекции. Я прочитал в «Русской мысли» о выставке в Париже галереи «Ринако», которая существует на деньги Борового. Но то, что покупают эксперты «Ринако», это, простите, за гранью добра и зла. Это — вчерашний день нашего увядшего андерграунда, это — настолько пройденный этап советского послевоенного авангарда, что о нем и говорить неприлично.

Все вторично, художественных открытий — никаких. Здесь налицо погоня за модой, которая устарела прежде, чем стала достоянием публики. А ведь настоящий меценат всегда идет новыми путями — вспомните, как Савва Мамонтов смело поддержал Врубеля, когда его полотна для Нижегородской ярмарки были отвергнуты. Он не за модой гнался, а шел против течения — вот в чем суть...

Б. Раушенбах: Меценат, я думаю, должен стоять выше своего художественного совета. Потому что любой художественный совет, как я давно заметил, — это усреднение: он вполне может забраковать гениальную вещь — как, кстати, было с упомянутыми полотнами Врубеля. Если гений сделал что-то потрясающее, то, как правило, худсовет это не пропустит. На то и есть подлинный ценитель, настоящий меценат, чтобы своим «необразованным» чутьем отличить гениальную вещь. Он покупает, потому что чувствует: тут что-то есть!

Право быть меценатом — это почетное право. Для этого нужен редкий талант, талант бескорыстной любви к искусству, талант его понимания.

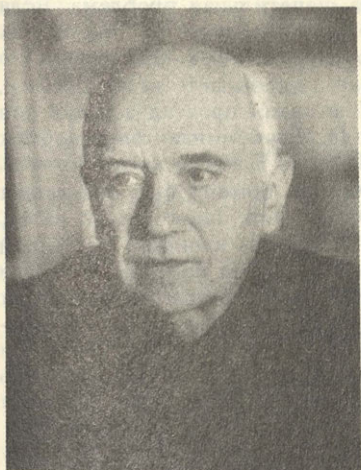
С. Разгонов: Борис Викторович, это, так сказать, идеальная модель, научное определение того, что есть меценат. Но, похоже, этот тип скорее исторический. Знаете ли вы современных благотворителей такого класса? Как вы оцениваете то, что Валерий Неверов внес сначала пять миллионов, а потом еще пятьдесят на восстановление храма Христа Спасителя?

Б. Раушенбах: Вы знаете, это — другое дело, это — не меценатство. Здесь не надо обладать глазом, гениальной интуицией, достаточно обладать деньгами, хотя поступок этот благородный, патристический.

С. Ямщиков: Должен сказать, что я бы не внес пятьдесят миллионов на восстановление храма Христа Спасителя.

Б. Раушенбах: Я бы — тоже... Самая идея мне кажется сомнительной.

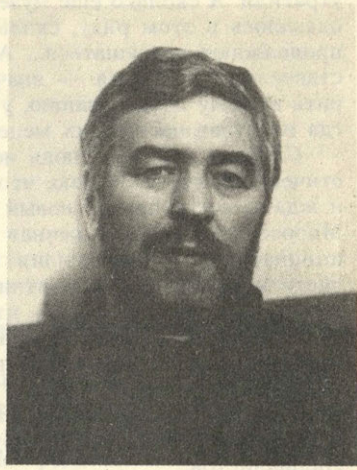
С. Ямщиков: То, что предлагал покойный Юрий Селиверстов, сделать просто силуэт, возобновить не храм, как бы тень его, — это мне кажется более разумной идеей. Ведь для того чтобы сейчас построить храм

Б. В. Раушенбах

С. Н. Разгонов

С. В. Ямщиков

Христа Спасителя, нужно собрать такие средства и такие материалы, каких сегодня просто нет в природе, — не строить же храм из бетона. А как быть с росписями Нестерова и Сурикова — кто их заменит? Надо признать, это — тоска по символу.

Б. Раушенбах: Я согласен с тем, что храм Христа Спасителя восстановить невозможно именно потому, что нельзя воскресить Сурикова и других художников, украсивших храм.

Но в принципе я поддерживаю людей, которые, имея большие средства, но не обладая талантами Третьякова, стремятся искренне помочь искусству — спонсоры тоже необходимы, потому что культура нуждается в деньгах, — от этого никуда не денешься. Конечно, такие люди вынуждены полагаться на мнение своих консультантов, которые не всегда безупречны.

С. Ямщиков: Да, дающий деньги — это еще не меценат. Но лучшие из современных предпринимателей понимают, я думаю, что благотворительность — обязательная спутница солидного бизнеса. Они начинают создавать галереи, полагаясь, увы, на своих ангажированных консультантов. К сожалению, у нас сейчас в стране нет культурной среды для развития меценатства, такой, какой была среда старообрядческая — я не случайно начал с этого.

И как можно на каждом шагу открывать плохонькие галерейки, если закрыты Третьяковская галерея и Исторический музей? Моя дочь выросла, ни разу не побывав в Третьяковке. Целое поколение выросло, не видя знаменитых полотен Александра Иванова, передвижников Сурикова, Репина, мирискутников. Целое поколение провело свою юность в дискотеках, не подозревая о сокровищах национальной истории на Красной площади. Это же катастрофа!

Что же мы хотим чуда, чтобы на таком фоне явился новый Сергей Иванович Щукин

или Алексей Александрович Бахрушин? Не явятся.

И я думаю, что нынешние меценаты должны стремиться прежде всего потратить силы и средства на то, чтобы восстановить созданное их предшественниками сто лет назад. Пока мы не откроем Третьяковскую галерею, пока мы не откроем Исторический музей, у нас настоящих меценатов быть не может.

Вместо этого будет бесконечная галеречная тусовка — иначе, простите, не могу назвать процесс рождения все новых галерей и, по сути, ни одной для города — так, как затевал дело Павел Михайлович Третьяков.

Надо понять, что это беда, если в столице нет ни одного национального музея. Однако со всех сторон слышно: нам нужен музей современного искусства. Простите, если бы в Париже не работал Лувр или протекала крыша собора Парижской богоматери, французы стали бы строить музей д'Орсей? Никогда в жизни! У нас в Новгороде разрушается древнейший кремль, а мы рассуждаем о музее современного искусства.

Кстати, напомним, что Костяки незадолго до своей смерти прислал из Афин письмо тогдашнему министру культуры Николаю Губенко и академику Лихачеву. Он обещал продать свои картины на сумму три миллиона долларов, чтобы на эти деньги подыскать в Москве особняк для музея современного искусства, где можно было бы для начала выставить его коллекцию, спрятанную в запасных Третьяковки. А потом художники понесут туда дары. Увы, и этот его жест в Москве не заметили...

С. Разгонов: Я думаю, Савелий Васильевич, что вы не преувеличиваете, когда говорите о деградации культуры в России. Роль таких великих музеев в жизни общества, как Исторический и Третьяковка, стала очевидной только тогда, когда мы их надолго

утратили. А сколько еще музеев и библиотек оказалось в этом ряду, сколько памятников продолжают разрушаться... Атмосфера действительно ущербная — значит, если поверить вашему предсказанию, у нас уже никогда не будет настоящих меценатов.

С. Ямицков: Я отнюдь не так пессимистичен. Просто я считаю, что нельзя сидеть и ждать, когда придет новый Третьяков или Морозов. Нужна встречающая общественная инициатива, нужны усилия прессы, в том числе и альманаха «Памятники Отечества», нужно идти навстречу тем, кто может и хочет помогать культуре, подсказывать им правильные пути. Я уже не говорю о налоговой политике, которая должна, как во всем мире, стимулировать благотворительность. Но это особый разговор, требующий участия специалистов.

При Ассоциации реставраторов, которую я имею честь возглавлять, создан фонд «Сохранение». Надо сказать, что огромное количество икон, в основном XIX века, ушло на Запад, ими завалены магазины в Лондоне и Берлине, их уже продают как плохие часы. Но ведь это аморально, особенно сейчас, когда открывается столько новых храмов, где подчас вешают вместо подлинных икон их репродукции. Так вот фонд «Сохранение» нашел первого солидного спонсора — Международный Московский Банк. Мы обратились за помощью, и нас поняли, поддержали. Банк купил у частного лица двадцать икон за десять тысяч долларов — и передал в церковь Большого Вознесения у Никитских ворот, где венчался Пушкин. Сейчас мы отобрали иконы для церкви в Бутырской тюрьме, для детских приютов. Я говорю об этом, чтобы конкретно подтвердить мою мысль о том, что меценатами не рождаются — ими становятся. В том числе и с нашей помощью.

Б. Раушенбах: Я согласен с тем, что нельзя ждать прихода новых Третьяковых. Надо идти к ним навстречу, объясняя, что важнейшее достоинство настоящего мецената — постоянство. Например, кто-то всю жизнь собирает иконы или картины. А не так, что сегодня поддержит балет, завтра — выставку собак, потом начнет издавать журнал мод. Такой «меценат» лишь стремится создать шум вокруг своего имени, привлечь к себе внимание публики и прессы.

Создается впечатление, что некоторые богатые люди просто ищут способа помещения денег, чтобы с помощью рекламы увеличить прибыль, отнюдь не интересуясь искусством, — им все равно, что оплачивать: эротическое шоу или выставку икон, лишь бы навару было побольше. Такое пенкосниительство, очень распространенное в наше время, не имеет никакого отношения ни к меценатству, ни к бескорыстному спонсорству.

С. Разгонов: И здесь, на мой взгляд, воз-

никает весьма щепетильная проблема. Если раньше художник зависел от партийных боссов, от государственных чиновников, то теперь музыку заказывает неомиллионер. Власть денег не такая простая задача для людей искусства. Я вспоминаю телерепортаж по случаю 100-летия Елисеевского магазина. Весь артистический бомонд был приглашен на этот лукуллов пир, знаменитый актер, сыгравший Бумбараша, клеймил с позиций высокого аристократизма коммунистическое прошлое с дешевой колбасой на прилавках Елисеевского. Да, народные артисты откровенно развлекали богатую публику, украшали собой роскошный стол. Было стыдно видеть в такой роли любимых героев экрана и сцены.

Так вот, кто теперь закажет Клыкову памятник? Или кто оплатит балетный эксперимент? И на каких условиях?

С. Ямицков: Я думаю, что здесь, как и во всем, есть выбор. Одни устраивают пошлую презентацию в Елисеевском магазине, а Клыкову, между прочим, помог предприниматель, гражданин России Кононыхин, как он себя называет. С его помощью на Славянской площади в Москве поднялся замечательный памятник Кириллу и Мефодию. На деньги нижегородских меценатов был отлит и памятник Клыкова же протопопу Аввакуму. Так что каждый выбирает то, что ему ближе. Например, Московский «Дягилев Центр» восстановил три фокинских балета. Спасибо ему за это.

Другое дело, что всегда — и прежде, и теперь — были, есть и будут разного калибра меценаты, разного масштаба коллекционеры. Иконы собирали десятки людей. Но в истории остались немногие: Николай Петрович Лихачев, Илья Семенович Остроухов, Степан Павлович Рябушинский, Козьма Терентьевич Солдатенков, в наше время — Павел Дмитриевич Корин. Я скажу так: настоящих меценатов всегда было мало. Медичи были одни, а богатых в Италии было сколько угодно. Даже если наша страна возродится, много меценатов не будет никогда.

С. Разгонов: Мы не случайно посвятили этот номер альманаха теме «Меценаты и коллекционеры». Чаще всего эти понятия в реальной жизни сливаются, и порой нелегко провести между ними границу. Ведь все наши крупные музеи родились из частных коллекций. Цель каждого серьезного собирателя — служить людям, как сказал В. В. Стасов, «стремление собирать то, что может быть полезно интеллигенции народа, желание помогать народному образованию».

С. Ямицков: Хочу добавить, что все известные коллекционеры и меценаты были людьми глубокой веры. Уверен, любое благотворительство с духа начинается. Без чистых помыслов не может быть ни серьезного коллекционера, ни настоящего мецената.